

Леон КРУЧКОВСКИЙ, лауреат международной Сталинской премии

«За укрепление мира между народами»

Юлиус и Этель

Картина пятая

Кабинет прокурора. На часах 18.30. Из радиоприемника слышны приглушенные звуки музыки...

Судья (гневно). Да. Ненавижу их. Не-на-ви-жу их так, как только можно ненавидеть врагов!

Прокурор (немного смущен вспышкой судьи). Гм, я тоже не люблю их, но думаю, что в этот момент...

Судья порывисто встает, отходит к окну, долго смотрит в него.

Прокурор (вскоре идет за ним, встает за его спиной). Мне кажется, Ирвинг, то, чего мы сейчас ждем, было бы не только политически полезным делом для нашего правительства. Думаю, что для вас, пожалуй, более всего для вас, чем для кого-либо из нас, оно является сугубо личным, скажем по-старинному: делом совести... Как бы там ни было, но ведь вы вынесли смертный приговор этим людям. Все акции защиты были направлены, и безрезультатно, против вашего приговора!

Судья (после паузы, отворачивается от окна, с убеждением). Поверьте мне, Вайн, что покой моей совести вовсе не зависит от того, согласится или нет те двое признать себя виновными! Хочу сказать вам об этом раз и навсегда: я сразу же, с самого начала, взял их смерть на свою, слышите вы, на свою личную ответственность. (Кричит). Я! Никто из вас, только я! (Немного погодя, совсем тихо). Именно поэтому я внимательно читаю те письма, о которых говорил вам, и даже иногда отвечаю на них... (Внезапно с апатией). Новы этого не поймете. (Отходит, садится в кресло, неподвижно смотрит в пространство).

Прокурор (немного обиженно). Хорошо, оставим личные дела. Вернемся к государственному проблем. Вы знаете, что государственный департамент имеет много хлопот... В защиту жизни Розенбергов включились многие большие авторитеты дружественных с нами стран...

Судья. Вайн, я самый молодой федеральный судья в нашей стране, но, возможно, именно потому я и взял на себя очень серьезное задание, порученное мне два года тому назад... Ведь вы прекрасно знаете, что наша внутренняя политика требует решительных ответов всем тем, кому не нравятся наша внешняя политика! Очевидно, трудно всех их посадить на электрический стул...

Прокурор. К чему вы мне говорите об этом? Я взял это дело в свои руки значительно раньше, чем вы нашли его на своем судейском столе...

Судья (порывисто). Что из того? Что из того, если теперь, вы мне простите, скажу грубо, уцепились вы за этот телефон и ждете, чтобы те люди, наши враги, решили отозваться. Разве для того обвиняли их, чтобы теперь считать успехом, если они захотят подтвердить ваше обвинение? А что будет, если они не подтвердят? (Вскрикивает). Я не верю, понимаете ли вы, давно уже не верю, что те люди совершат моральное самоубийство! А мы два года работаем над тем, чтобы принудить их к этому, и до чего мы доработались! Пара мучеников, героев «американской трагедии», имена которых сегодня на устах у всего земного шара! В политике нельзя давать противникам таких козырей! (После паузы, тише). Оказалось, что в Америке живут не только Гринглассы — и это надо было принять во внимание!

Прокурор. Но ведь именно я шла речь об этих других. В политике порой надо и рисковать...

Судья (возбужденно). В таком случае уверяю вас, что они нас побьют. (С ироническим смехом). Ну что ж, вы сами приказали установить этот телефон. Не приняли в расчет, что в этом поединке они лучше, сильнее нас!

Стоя друг против друга, они пристально смотрят в глаза один другому. Звонит телефон. Оба быстро поворачиваются в ту сторону. Прокурор подходит к письменному столу, поднимает трубку одного из аппаратов. Судья насмешливо смотрит на него.

Прокурор (в телефон). Вайн... А, уже здесь? Хорошо, давайте его ко мне. (Кладет трубку).

Судья. Кто-то к вам? Не буду мешать... Прокурор. Пожалуйста, оставьте... Это Грингласс.

Судья. Грингласс? Дверь открывается. Надзиратель вводит Грингласса, одетого в полосатый арестантский костюм, отбывающего наказание, после чего выходит, закрыв дверь. Грингласс растерянно и неловко кланяется.

Прокурор. Ну, что у вас, Деви? Что вы хотели сказать?

Грингласс (после паузы, с трудом). У меня просьба, господин прокурор... чтобы меня повидаться на минуточку... с моей сестрой.

Прокурор. Не понимаю. Вы хотите что-то сказать ей?

Грингласс. Да, хочу ее просить...

Прокурор. Все меньше понимаю. О чем просить?

Грингласс (после долгого молчания). Чтоб она простила меня...

Прокурор. И что, вы думаете, она это сделает?

Грингласс. Не знаю... но я должен просить ее, умолять.

Прокурор. Что, даже умолять? (Подходит ближе к Гринглассу). А что же она, собственно говоря, должна вам простить?

Грингласс молчит.

Судья (со стороны). Видите, Вайн, какой моральный террор производят те люди?

Прокурор. Ну, смелее, Деви! Если я правильно понимаю вас, вы чувствуете себя немаленько виновным перед своей сестрой, а может быть, и перед шурином? Это для меня подлинная сенсация!

Грингласс (немного погодя, глухо). Нет, я не чувствую себя виновным...

Прокурор. Тысячу чертей! В таком случае, зачем же вам прощение?

Грингласс (повышая голос до крика). Я должен был! Должен!

Прокурор (уже по-настоящему разъяренный). Что? Что ты должен был? Говори нам ты, жирная крыса, что там опять зародилось в твоей дурацкой башке?

Грингласс (в отчаянии). Я не знаю, мистер Вайн... я не знаю, что случилось... Вы говорите правду, я идиот, грязная крыса... все мной пренебрегают здесь, в тюрьме... даже воры и убийцы не разговаривают со мной...

Судья. Вайн, ведь вы видите, что он невменяем!

Грингласс (с угрюмой настойчивостью). Да! Да! Я скажу ей, что должен был сделать это! Ведь вы знаете лучше всех, как обстояло дело, господин прокурор! Я все ей расскажу честно, как брат сестре...

24 октября постановкой пьесы лауреата международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» Леона Кручковского «Юлиус и Этель» в Ленинграде начинаются гастроли Государственного ордена Трудового знамени первой степени польского театра (Театра Польского).

Материалом для этой пьесы выдающегося польского писателя послужил потрясший весь мир процесс супругов Розенберг в Соединенных Штатах Америки. Сегодня мы впервые на русском языке публикуем две последние картины из этой пьесы. (Картины даются с сокращениями).

Прокурор (со злобостью). Подумайте только, Ирвинг, я этого звереныша не могу даже приказывать запереть!

Грингласс. Все можете приказывать мне, я все сделаю, мистер Вайн... только разрешите увидеть ее! Она сегодня умрет... а передо мной жизнь, годы! Я не могу, не могу остаться так! Столько еще лет, в своей камере! (Тупо, к себе). Если я скажу ей, что должен был сделать это, может быть, она расстроится и простит... скажет мне: Деви, понимаю тебя, знаю, что ты несчастный человек... Об этом только прошу вас, мистер Вайн.

Прокурор (сдерживая ярость). Грингласс, вы сейчас же вернетесь в свою камеру и быстро забудете все то, что вы здесь болтали. Быстро забудете, понимаете?

Грингласс. Нет, нет! Смилюсь надо мной...

Прокурор. Однажды вас помиловали. Слава богу, вы получили только свой пятнадцатый лет. После пяти лет вы будете иметь большие шансы на помилование. Что вы еще хотите, чорт вас возьми!

Грингласс тихо всхлипывает, прижав кулаки к глазам.

Судья (назидая, спокойно, но с убеждением). Грингласс! И вам не стыдно? О, там есть зеркало над умывальником... подойдите к нему и хорошенько присмотритесь к своему лицу!

Грингласс, застав, поднимает взгляд на судью.

Судья. Не хотите? Я не удивляюсь. Человек, который проявил когда-то столько смелости, не должен выглядеть так, как вы в эту минуту!

Грингласс машинально подходит к умывальнику, долго смотрит в зеркало.

Прокурор (со смехом). Ну я что, Деви, то, что вы видите, нравится вам?

Грингласс (продолжая смотреть в зеркало, начиная смеяться тихо, затем все громче). Ах, господин судья! Ах, господин прокурор! Извольте, господа, смеяться над своим глупым Гринглассом... Это правда, никогда я не был красивым, приятным мужчиной... Но десять лет тому назад, в мундире сержанта, был я парнем хоть куда. Моя жена влюблена была в меня, как сумасшедшая! (Поворачивается от зеркала, словно пьяный). Можете вы сказать мне, господа, или я уже тогда был подлым, или стал им только теперь? Нет, мне кажется, что я был именно тогда... подлым и предателем... Только теперь все это ползало у меня наружу, на мою противную морду... (С внезапной мыслью). Мистер Вайн, а может, она не захочет и разговаривать со мной?! Посмотрит, увидит мое лицо и убежит?

Прокурор. Похоже, что так и было бы. Это еще один повод, чтобы отказать в вашей просьбе.

Грингласс (некоторое время молчит, после чего приближается к прокурору, спрашивает интимно). Так это правда, их уже сегодня?

Прокурор. Да, через полтора часа мы посадим их на электрический стул... Грингласс (ошеломленно). Через полтора? (Кричит со звериной радостью). А я живу! Я буду жить! Ах, мистер Вайн! (Хватает руку прокурора, намереваясь поцеловать ее).

Прокурор (отталкивая его). Через несколько лет вы получите даже свободу. Конечно, если не будете делать таких глупостей, как сегодня.

Грингласс (соображая, кивает головой, после паузы). Правду говоря, господин прокурор, они не стоят этого... Не знаю, почему, но они всегда считали себя лучше нас, это значит меня и моей жены... Теперь по крайней мере увидят, к чему это приводит. (Подходит к судье, подумав). Вы, господин судья, говорили, что поступок мой был смелым... Да, в самом деле! Хотя все считают меня трусом, но пусть попробуют сделать то, что я! Именно! Пусть попробуют! (Тупо смеется). Нет, теперь я вижу, что это было бы большой глупостью просить у них прощения... Если они такие умные, пусть попробуют сами сделать то, что я... Только смелые умеют защищать свою жизнь, настоящие трусы — это те, которые позволяют себя убивать... Не прав ли я, мистер Вайн?

Прокурор. Достаточно уже, Грингласс, достаточно зайей философии! Берегитесь ее, так как можете сменить приличную тюрьму на дом умалишенных.

Грингласс (с глупым смехом). Ах, господин прокурор, я предпочитаю сменить тюрьму на теплую постель моей жены...

Прокурор. Будем надеяться, что на протяжении этих лет никто не займет там вашего места. А теперь спокойно возвращайтесь в свою камеру. (Нажимает кнопку звонка. К вошедшему надзирателю). Отведите арестанта Грингласса обратно.

Грингласс. Спокойной ночи, мистер Вайн. (Идет к двери, останавливается, поворачивается к судье). Спасибо вам, господин судья, что вы поставили меня на ноги... (Тише, словно про себя). Не легко быть сегодня вечером Деви Гринглассом... (Выходит).

Судья (после паузы). Боюсь, что когда-нибудь он по-настоящему сойдет с ума...

Прокурор. Я знаю его лучше и дольше, Ирвинг. Хотя минуту тому назад я сам предостерегал его, но уверен, что такая опасность ему не угрожает. Он хочет немного, но знает, чего хочет... Бывает у него, как, например, сегодня, временное помрачение, но это главным образом потому, что его преследуют заклятые враги — конечно, постольку, поскольку это в их возможностях... (Тише). Боюсь, что, может быть, даже некоторые из надзирателей...

Судья (устало взглянув на часы). Пробирается к семи, Вайн...

Прокурор. Вы не беспокоитесь, чем бы я ни был занят, я ни на минуту не теряю из вида убегающего времени. Да, приближается последний час... Этот идиот Деви хотел ошарашить сестру я шурина своим посещением, а ведь они, чорт возьми, ждут кого-то совсем другого...

Судья. Кажется мне, что, идя сюда к вам, я видел в коридоре двух мальчиков.

Прокурор. Именно! Как вы считаете, можно разрешить им познакомиться с родителями? Немного я опасаясь этой сцены и потому колеблюсь вот уже два часа...

Судья. Опасаетесь за кого: за детей или за родителей?

Прокурор. Блох заверил меня, что дети ничего не знают о том, что должно произойти сегодня вечером...

Судья. Или вы опасаетесь скорее за родителей?

Прокурор (с улыбкой). Нет, здесь дело не в спасении, я неточно выразился. Задумывалось я над чем-то другим: как повлияет на тех двоих визит их детей в данной ситуации и в данное время... короче говоря, может ли это явиться потрясением, которое сломаст их сопротивление, разбьет им язык.

Судья. Понимаю. Это еще одна, последняя уже карта в игре, которую вы ведете несколько часов, — не так ли?

Прокурор. Можно назвать и так.

Судья. Что ж, попробуйте. Вы должны быть последовательны до конца и исползовать все шпоры, чтобы повлиять на этих людей. Что до меня, я не вижу никакой надобности в подтверждении моего приговора устами осужденных. Никакой! Слушая минуту тому назад Грингласса, я убеждался в этом еще сильнее. (Подходит близко к прокурору и говорит с убеждением). Вайн! Вы прекрасно знаете, как шатко построили вы вместе с Федеральным следственным бюро свой обвинительный акт, как ничтожны были собранные вами следственные материалы. Вы пригласили на судебное заседание видных, авторитетных свидетелей, а потом, однако, предпочли отказать от них, но зато они изложили в прессе свои свидетельские показания, которые далеко не облегчали нам выполнение задания. Вы знаете, я думаю о генерале Гроувсе, о профессоре Ури и так далее и так далее. Несмотря на это, я, именно я, имел смелость вынести смертный приговор мужчине и женщине, родителям двух маленьких детей... Вайн! Это было дьявольское задание! Но это была необходимость, и кто-то должен был взять ее на себя. (После паузы). Вы говорите, что это государственное дело. Наверно, так. Но вы поймите, что в этом деле только три лица запутаны окончательно и бесповоротно: они и я! Они, которые сегодня лишаются жизни, и я, который взял их смерть на свою совесть! (Умолкает, после паузы). А что касается детей, делайте, как хотите. Не верю я, чтобы это могло что-то изменить.

Прокурор. Несмотря на то, что, я, пожалуй, дам разрешение... Пять минут восьмого... Да, соглашусь на получасовое свидание. Значит, на полчаса я смогу отлучиться в клуб. Может быть, и вы выпьете со мной кофе, Ирвинг?

Судья. С удовольствием. За кофе сможем составить коммюнике.

Прокурор. О чем?

Судья. О том, что произойдет через несколько десятков минут. Я думаю, что будет оно звучать так: «Днем 19 июня в восемь часов столько-то минут... казнены на электрическом стуле Юлиус и Этель Розенберги. Умерли в молчании...»

Прокурор. Вы думаете, что так будет хорошо?

Судья. Я думаю, что так будет в самом деле.

Прокурор (рассмеявшись). Вы упрямы, Ирвинг, почти так же, как я они. (Нажимает кнопку звонка. К вошедшему надзирателю). Пригласите ко мне господина Блоха...

Затемнение.

Картина шестая

В камере. Этель сидит на краю койки, держа обеими руками букет свежих цветов, прижимает их к груди, лицо погружено в цветы. Юлиус сидит на полу, положив голову на ее колени, и будто спит. Длинная пауза.

Юлиус (медленно поднимает голову, всматривается в лицо Этель). Как тихо... Почему ты перестала говорить, любимая?

Этель. Мне показалось, что ты заснул...

Юлиус. А ты?

Этель. Я! Удивительное состояние, мысли плывут так спокойно, и столько, столько картин... (Немного погодя). Мне кажется, что теперь мы уже действительно находимся по ту сторону...

Юлиус. Да. Все, что должно было произойти в нашей жизни — произошло.

Этель (мечтательно). Наши маленькые сыновья уехали с нашим другом... На губах своих и на чистых глазах они увезли наши последние поцелуи... (После паузы). Так я боялась этого прощания...

Юлиус. Мне кажется, мы сделали все возможное, чтобы не разрушить в наших мальчиках веру в жизнь, которая их ожидает... (После паузы). Как ты думаешь, какие люди из них вырастут?

Этель (мечтательно). Они будут похожими на тебя: добрыми и мужественными. Наверно, будут бороться за свет и правду. Их боль, их печаль со временем пройдут, но горькое детство научит их, на какую сторону они должны встать в окружающем их мире.

Юлиус. Насколько я был счастливее их, насколько легче, чем мои сыновья, узнавая свое место в мире, который окружает нас.

Этель (задумчиво). Когда мне было одиннадцать лет, казнили на электрическом стуле Сакко и Ванцетти... Немногое я могла тогда понять в их деле, но в памяти моей навсегда остался предсмертный крик одного из них, я прочла те слова в газете: «Соно инноценте». (Возбужденно повторяет). Соно инноценте... Мы невинны...

Юлиус (взволнованно). Соно инноценте... (Медленно встает, выходит на середину камеры). Ванцетти! Сакко! Тени наших итальянских братьев сегодня здесь с нами... Да, Этель! Два мужественных человека, замученных американским судом...

Этель встает, всматривается в Юлиуса. Юлиус. О, как же я люблю сейчас нашу жизнь и нашу страну! Пасмурные, дождливые дни в улицах Ист-Сайда, Бруклинский мост и скалистые возвышенности над Гулдоном! И людей, простых людей нашей страны, измучающих от непосильного труда, преследующих ежедневной заботой о завтрашнем хлебе... И смелых, негибаемых народных борцов, которых все время рождает эта беспощадная земля, затвердевшая под насилием могущественных...

Этель. И цветы, цветы нашей земли! О, как одурманивающие пахнут они! (Прижимаясь к Юлиусу). Как спокойно бьются теперь наши сердца! Как чиста наша совесть. Скажи, дорогой, не чувствуешь ли ты себя в этот момент свободным, как некогда еще, таким свободным, как только может быть свободен человек?

Юлиус. Да, любимая. Мы не погибали, мы уходим свободными, как только может быть свободен человек! С того пункта, на котором мы находимся сейчас, видна вся наша жизнь. Подумай, мы могли бы пройти ее незамеченными и неизвестными... муж и жена, счастливые родители... друзья для друзей, полные любви к миру и к людям, полные мечтаний... Не дано, однако, нам пройти спокойно нашей стезей. Правители этой страны наметили нам дорогу страданий, чтобы сделать нас соучастниками своих преступлений. Но не они торжествуют над жизнью, а мы над смертью!

Этель (горячо, страстно). Спасибо тебе, Юлиус! За жизнь, которую ты разделил со мной, за веру, которую помог мне разжечь в себе... за мужество и за нежность...

Юлиус. Спасибо тебе, Этель! За любовь, которую ты пожертвовала мне, за жизнь, которую ты дала нашим детям... за покой наших домашних вечеров... за песни, которые ты любила петь...

Этель (с радостью). Ты помнишь? (Мечтательно). Эти стены хорошо знают наши вечерние песни...

Медленно идет к левой стене, встает у нее, опирается спиной, лаская пальцами цветы, размышляет немного, потом поднимает голову, прищипывает глаза, начинает петь тихо, приглушенным голосом.

Юлиус, не отрывая глаз от нее, подходит к койке, присаживается на край, слушает. Вечерние сумерки медленно заполняют камеру.

Юлиус (взволнованно). Когда ты пела, мне казалось, что перулась наша прежняя жизнь. Монро Стрит в полночь, книги, дыхание спящих детей... и твоя голова в свете домашней лампы... Где это все?

Этель. Счастливые вечера, хорошие, спокойные ночи... Что-либо подобное существует еще в этой стране?

Юлиус. Да, Этель. С той поры, как нас забрали из нашего дома, жители этой страны спят менее спокойно. Тень испуга крадется между спящими супругами. Беспокойство отражается в глазах матерей, убавляющих своих детей. Каждое счастье становится неуверенным, каждая домашняя тишина подзёрнута...

Вспыхивает лампа под потолком камеры, через отверстие в дверях видно, как загорается свет и в коридоре.

Юлиус и Этель как зачарованные, всматриваются в важную лампочку. Длинная пауза. Внезапно оба поворачивают лица к дверям, смотрят с напряжением.

Шаги в коридоре, дверь открывается, входит надзирательница, за ней монтер.

Монтер обрывает шнур, прикрепленный в углу дверей, подходит к столу с телефоном, берет часы, молча подает надзирательнице.

Надзирательница выходит с часами. Монтер поворачивается, смотрит на Юлиуса и Этель, быстро подходит к ним, крепко пожимает руку сначала ему, потом ей и быстро отходит к столу.

Надзирательница возвращается, стоит в стороне.

Монтер забирает столик с телефоном, выходит. Надзирательница долго смотрит на узников, делает два-три шага в их направлении, останавливается, словно желая что-то сказать, но, не найдя подходящих слов, растерянно отворачивается и быстро уходит.

Юлиус (после закрытия двери, раскрывает кулак правой руки, держа в нем измятый кусочек бумаги, выравнивает его). Смотри, что он оставил у меня в руке... (Читает). «Прощайте. Мы никогда не забудем вас и ваших детей. Правда победы. Какая радость, Этель! Мир посылает нам последнее приветствие!»

Этель (всматривается в записку). Прощайте... Мы никогда не забудем вас...

Юлиус (прижимает записку к груди, обнимает Этель, медленно ведет ее вперед, останавливается перед оконным проемом, поднимает голову). Люди всего мира! Вы слышите нас? С вами наши мысли в час нашей смерти...

Этель. О друзья в Европе! Разве не достаточно пережили вы ужасов, чтобы быть безразличными к страданиям двух супругов из Нью-Йорка. А однако вы не остались безразличны, ваш голос, призывающий к справедливости для нас, поднялся так мощно, что пробился даже через эти стены!

Юлиус. Вы сразу поняли, что то, что сделали с нами, является чем-то более ужасным, нежели те злодеяния, которые совершаются ежедневно. Вы увидели в этом смертельную опасность для всех жаждущих мира и справедливости!

Этель. О мои американские сестры! Не забывайте нас, если хотите, чтобы ваши дети и ваши мужья могли спать спокойно. Американцы, наша судьба может быть завтра судьбой любого из вас! Не забывайте нас!

Юлиус. И не плавайте над нами, друзья! Наши страдания были нечеловеческими, но наша любовь и достоинство позволили нам с честью перенести их до конца. Черпайте смелость в нашей смерти, черпайте в ней веру в человека, в его правоту, в его смелость и гордость! Настанет день, когда она победит в этой стране! Во всем мире!

Этель. Прощайте! Наша минута приближается. Великая тишина закончит наши страдания. Она уже в нас, уже успокаивает биение наших измученных сердец... Запомните нашу любовь! Оставляем вам ее плоды: наших детей. Не дайте обидеть их...

Юлиус. Оставляем вам наши имена. Не забудьте их! Когда-нибудь, когда вы построите лучший мир, пусть заветут они в сердцах счастливых девушек и юношей, погружающих свои светлые лица в ароматные цветы жизни...

Длинная пауза. Вскоре в коридоре раздаются громкие шаги нескольких человек, дверь широко распахивается, в ней появляется группа надзирателей и среди них директор тюрьмы.

Юлиус и Этель словно ничего не слыша, стоят выпрямившись, с лицами, полными света, устремленными вверх. Только руки Этель, прижимающие цветы, чуть заметно дрожат, несколько отдельных цветков, цепляясь за платье, медленно падают на пол.

Перевел с польского

А. ГОРСКИЙ